

СТАРЫЕ ДВОРЫ

У лохматого сонного тополя
Голова запрокинута ввысь.
Здесь гулял ты в сандаликах стоптанных,
Там бетонные кони паслись.

Ты узнаешь дворы обветшалые,
И они тебя помнят пока.
Только яблоки стали шершавыми
У коней на покатых боках.

За песками далёкой песочницы
Спят жирафы из радужных труб.
Совершает с отчаянной точностью
Молчаливая память свой труд.

Где ржавеет железное кружево
Вечно жаждущих неба ракет,
Ты убит деревянным оружием:
Сколько зим, столько лет, больше нет!..

Сдержишь слёзы. Негоже. Не маленький.
Но качели заплачут с тоски.
Их встревоженный стонущий маятник
Будет время рубить на куски.

Все соседские бабушки умерли.
Ну а мы, может быть, не умрём.
Скрип качелей сквозь тусклые сумерки
Одиноким летит журавлём.

КОЛЕСО

На корте дворовом мальчишки,
Разинув от радости рот,
Гоняют по полю покрышку,
Как мяч, от ворот до ворот.

Приветствуя новую зиму,
От борта до борта бегут
Не нужно кому-то резины
Резные следы на снегу.

В разгаре игра у мальчишек,
Вот рвётся по флангу хавбек!..
Весь мир веселее и чище,
Когда упадёт первый снег.

Из окон домов по соседству
Глядят старики на ребят –
На тени забытого детства
Сквозь гаснувший свет ноября.

Их память дрожит миражами,
Им хочется плакать и жить...
И центром всего мирозданья
Покрышка по корту бежит.

Вот голос слышался мамин
И гулкое эхо в ответ,
И маленькими мотыльками
Стремятся мальчишки на свет.

Последний удар, словно выстрел!..
Смолкает мальчишеский смех.
Спускаются сумерки быстро
И медленно падает снег.

Оскалилась полночь нулями.
И слышно сквозь время и сон:
Невидимый след оставляя,
Вращается мир колесом.

НА РОДИНЕ ПРЕДКОВ

От вас остались только метрики,
Потрёпанные хмурым временем,
Да в поле – тополей отметины
Над вымершей большой деревнею.

Шли с севера, от моря древнего,
В Сибирь. Рубили избы новые.
Каков ты был, Прокоп Андреевич,
С женой – Меланьей Спиридоновой?

От вас остались только записи –
Перо неверное, припрыжкой.
Да запахов полынных заповедь,
Да мы – *навек* при вас мальчишками.

Сквозь время – память: струйкой тонкою,
Заросшею чернильной речкою.
В помяннике, перед иконкою,
Дрожащим огоньком *над* свечкою, –

Вы будто *на*совсем не умерли,
Забвением не заклеймённые.
И шепчутся сирени в сумерках,
Вас *поминая* поимённо.

ГОЛУБОК

Инне

Утром веточка дрожит на ветру,
Точно жилка на виске голубом.
К человеческому жилью поутру
Прилетает ворковать голубок.

У рассвета уворует часок,
И пока его любимая спит,
Он воркует и глядит на восток,
А потом к церковной крыше летит.

Там простор для голубиной гурьбы –
Кружат в небе да пророчат весну.
Дал Бог силы голубиной груди,
Чтобы утром нарушать тишину.

И чего бы им, крылатым, не спать?
Всё выводят свой нехитрый припев.
Видно, утро может и не настать,
Если песню о любви не пропеть.

* * *

И в окнах свет, и звёзды над домами –
Повсюду он, вечерний тихий свет.
Так хлебом пахнет!.. Мне всего пять лет.
Я счастлив. Я бегу на кухню к маме.

С кислинкой терпкой вкус соседской груши.
Подпортились уже – осенний сорт.
А время катится огромным колесом,
И ход его не в силах я нарушить.

Я выхожу во двор набрать воды.
Листвою пахнет, будто хлебной коркой.
И окна, как тома на книжных полках.
Мне двадцать. Я не чувствую беды.

Яснеет небо – заморозок будет.
Я маленький под звёздами такой.
А из окошка машут мне рукой,
Как машут только самым близким людям.

В окошке мама. Мне тридцать четыре.
Я выхожу из возраста Христа.
А истина извечна и проста,
Как запах хлеба в маминой квартире.